МЮРРЕЙ (MURRAY) против СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

Судебное решение от 28 октября 1994 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

A. Основные факты

Все шесть заявителей являются гражданами Ирландии. Первый заявитель, г-жа Маргарет Мюррей, и второй заявитель, г- н Томас Мюррей, — супруги. Остальные четыре заявителя: Марк, Алана, Микаэла и Росина — их дети. В соответствующий период времени в 1982 г. заявители проживали вместе в одном доме в Белфасте, Северная Ирландия.

В июне 1982 г. два брата первого заявителя были осуждены в Соединенных Штатах (США) за правонарушения, связанные с закупкой оружия для Временной ирландской республиканской армии (Временная ИРА).

Г-жа Мюррей была арестована у себя дома в Белфасте военнослужащими Сухопутных войск Великобритании в 7.00 утра 26 июля 1982 г. на основании статьи 14 Закона о Северной Ирландии (чрезвычайные полномочия) 1978 г. Эта норма предоставляла военным право производить арест и задержание на срок до четырех часов лиц, подозреваемых в совершении преступления при условии, что подозрение, возникшее у произведшего арест военнослужащего, было добросовестным. Согласно заявлениям военных, г-жа Мюррей была арестована по подозрению в причастности к сбору денег для приобретения в США оружия для Временной ИРА. Пока она одевалась, были разбужены другие заявители, и им было предложено собраться в гостиной. Военные в это время вносили в протокол данные о заявителях и их доме. После того как г-жа Мюррей дважды спросила, на основании какой статьи ее арестовывают, выполнявшая арест военнослужащая, капрал, ответила: “По 14-й статье”.

Г-жа Мюррей была доставлена в Армейский контрольный центр и была задержана там на два часа для допроса. Она отказалась отвечать на какие-либо вопросы. В какой-то момент пребывания в центре она была, без ее ведома и согласия, сфотографирована. Она была освобождена в 9.45 без предъявления обвинения.

В 1984 г. г-жа Мюррей возбудила в Высоком Суде иск против Министерства обороны, выдвинув обвинение в неправомерном лишении свободы и других деликтах, и проиграла дело.

Показания давали г-жа Мюррей и капрал. Г-жа Мюррей признала, что у нее были контакты с братьями и что она побывала в США. Хотя капрал точно не помнила содержание допроса г-жи Мюррей в Армейском центре,

она могла сказать, что речь шла о деньгах и об Америке. Разбиравший дело судья счел показания капрала правдивыми.

Г-жа Мюррей подала апелляцию, оспаривая законность ее ареста и сопровождавших его действий. Апелляционный суд отклонил ее жалобу в феврале 1987 г., но разрешил ей обратиться в Палату лордов. Но и там в мае 1988 г. дело решилось не в ее пользу.

Закон 1978 г., в соответствии с которым была арестована г-жа Мюррей, является частью законодательства, введенного Соединенным Королевством в целях борьбы с терроризмом в Северной Ирландии. Статья 14 была заменена в 1987 г. нормой, которая устанавливала, что арест должен производиться по обоснованному подозрению.

B. Разбирательство в Комиссии по правам человека

1. В жалобе, поданной в Комиссию 28 сентября 1988 г., г-жа Мюррей заявила, что ее арест и задержание для допроса нарушили статью 5 п. 1 и 2; что сохранение сделанной фотографии, а также данных о заявительнице явилось нарушением ее права на уважение личной жизни согласно статье 8. Остальные пять заявителей утверждали, что произошло нарушение статьи 5 п. 1, 2 в результате того, что от них потребовали находиться в течение получаса в комнате их дома, пока первый заявитель собиралась, чтобы покинуть дом вместе с военными. Они также утверждали, что запись и хранение определенных данных об их личностях, например, имен и степени родства с первым заявителем, нарушили их право на уважение личной жизни по статье 8. Все шестеро заявили, что вторжение военных в дом и его обыск не совместимы с их правом на уважение их личной и семейной жизни, неприкосновенности жилища согласно статье 8 Конвенции; и что, в нарушение статьи 13, в национальном законодательстве не существует эффективных средств правовой защиты в отношении вышеперечисленных жалоб на нарушение прав, признанных Конвенцией.

2. Комиссия объявила 10 декабря 1991 г. о приемлемости всех жалоб первого заявителя, а также жалобы остальных заявителей по статье 8 в связи с вторжением и обыском семейного жилища. Другие жалобы были объявлены неприемлемыми.

3. В своем докладе от 17 февраля 1993 г. Комиссия выразила следующее мнение:

— в деле первого заявителя имело место нарушение статьи 5 п. 1 (одиннадцать голосов против трех), п. 2 (десять голосов против четырех) и п. 5 (одиннадцать голосов против трех);

— нарушения статьи 8 не было (тринадцать голосов против одного);

— нет необходимости рассматривать жалобу первого заявителя по статье 13 на отсутствие средств правовой защиты при аресте, задержании и несообщении причин ареста (тринадцать голосов против одного);

— в деле первого заявителя статья 13 не была нарушена ни в том, что касается вторжения и обыска ее жилища (единогласно), ни при ее фотографировании и хранении фотографии и данных о ее личности (десять голосов против четырех).

Дело было передано Комиссией в Суд 7 апреля 1993 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. Общий подход

47. Жалобы заявителей связаны с арестом и задержанием военными первого заявителя в соответствии со специальным уголовным законодательством, принятым в целях борьбы с террористическими актами в Северной Ирландии. Как отмечалось в нескольких предыдущих решениях Суда, кампания терроризма, развязанная в Северной Ирландии в последнюю четверть века, привела к потерям человеческих жизней и страданиям (см. п. 35 выше).

Суд не видит причин отказываться от общих принципов, которых он придерживался ранее при разбирательстве дел аналогичного характера. Поэтому при толковании и применении относящихся к делу статей Конвенции надлежащее внимание должно быть уделено особому характеру террористических преступлений, угрозе, которую они представляют для демократического общества, и чрезвычайной природе мер по борьбе с ними (см. *inter alia* решение по делу Фокса, Кампбелла и Хартли от 30 августа 1990 г. Серия А, т. 182, с. 15, п. 28, где упоминается решение по делу Броугана от 29 ноября 1988 г. Серия А, т. 145-В, с. 27, п. 48).

II. О предполагаемом нарушении статьи 5 п.1 Конвенции

48. Первый заявитель, г-жа Маргарет Мюррей, утверждала, что ее арест и задержание военными представляют собой нарушение статьи 5 п. 1 Конвенции, которая предусматривают:

"Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(c) законный арест или задержание лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения..."

A. Законность ареста

49. Первый заявитель не оспаривала, что ее арест и задержание были проведены в соответствии с действующим правом Северной Ирландии и не противоречат формуле в порядке, установленным законом статьи 5 п. 1. Однако "обоснованного подозрения" в совершении преступления не было, и цель ее ареста и последующего задержания не состояла в том, чтобы она предстала перед компетентным судебным органом в соответствии со смыслом статьи 5 п. 1 (c).

B. "Обоснованное подозрение"

50. Г-жа Мюррей была арестована и задержана в силу статьи 14 Закона 1978 г. (см. п. 11 и 12 выше). Эта норма, согласно толкованию национальных судов, предоставляла военным право арестовывать и задерживать лиц, подозреваемых в совершении преступления, при условии *inter alia,* что воен-

нослужащий, выполняющий арест, действует добросовестно (см. п. 36 и 38(b) выше). Факт, что во внутреннем законодательстве в тот период существовал лишь этот, по существу, субъективный критерий в данном деле имеет значение, но не решающее: задача Суда состоит в установлении, был ли соблюден объективный критерий "обоснованного подозрения", предусмотренный статьей 5 п. 1, в конкретных обстоятельствах данного дела.

51. В своем решении по вышеупомянутому делу Фокса, Кэмпбелл и Хартли, которое касалось арестов, произведенных полицией Северной Ирландии по аналогичной статье Закона 1978 г., Суд констатировал следующее (с. 16—18, п. 32 и 34):

"Обоснованность" подозрения, в соответствии с которой должен производиться арест, составляет важную часть гарантии, установленной в статье 5 п. 1 (c) против произвольного ареста и задержания... "обоснованное подозрение" предполагает наличие фактов или информации, которые убеждают объективного наблюдателя, что, возможно, соответствующее лицо совершило правонарушение. Однако то, что может считаться "обоснованным", должно определяться с учетом всех обстоятельств.

В этом плане террористические преступления попадают в особую категорию. Из-за существующего риска человеческих жертв и страданий полиция обязана действовать самым срочным образом по получении любой информации, включая информацию из секретных источников. Кроме того, возможно, что полиции часто приходится арестовывать подозреваемого террориста на основании информации, которая является надежной, но не может быть раскрыта подозреваемому или представлена в суде в подтверждение обвинения без создания угрозы для источника информации.

...ввиду трудностей, расследования в Северной Ирландии преступлений террористического характера и привлечению за них к суду, "обоснованность" подозрения, оправдывающего такие аресты, не всегда может оцениваться по тем же критериям, которые применяются для обычных преступлений. Тем не менее, особый характер мер в отношении террористических преступлений не может оправдать такое толкование понятия "обоснованность", когда подрывается суть гарантии, установленной в статье 5 п. 1 (c).

Конечно, статья 5 п. 1 (c) Конвенции не должна применяться таким образом, чтобы создавать несоразмерные трудности на пути полицейских органов государств-участников к осуществлению эффективных мер по противодействию организованному терроризму... От государств-участников нельзя требовать доказательств обоснованности подозрения, оправдывающего арест подозреваемого террориста, путем раскрытия конфиденциальных источников обвинительной информации или даже фактов, указывающих на такие источники или конкретные личности.

Тем не менее Суд должен иметь возможность установить, соблюдено ли существо гарантии статьи 5 п. 1 (c). Отсюда следует, что государство-ответчик обязано представить по крайней мере некоторые факты или информацию, которые могли бы убедить Суд в том, что данное лицо обоснованно подозреваться в совершении предполагаемого преступления. Это тем более необходимо, когда, как в данном случае национальный закон не требует и устанавливает более низкий порог обоснованности подозрения, говоря лишь о добросовестном подозрении.

На основании обстоятельств того дела Суд пришел к выводу, что, хотя арест трех заявителей и их задержание, длившееся сорок четыре часа, сорок четыре часа пять минут и тридцать часов пятнадцать минут соответ-

ственно, и были основаны на подозрении низкого порога, Правительство не представило достаточно дополнительных данных для вывода, что подозрение было обоснованным в свете статьи 5 п. 1 (c) (там же, с. 18, п. 35).

52. В настоящем деле Правительство заявило, что на основании информации из надежного, но секретного источника у военных существовали веские и конкретные причины подозревать, что г-жа Мюррей была причастна к сбору средств для террористических целей. Однако "основная" информация, полученная таким образом, не могла быть раскрыта, чтобы не поставить под угрозу жизнь и личную безопасность некоторых людей. По мнению Правительства, Суд, решая вопрос об обоснованности подозрения, должен учитывать это обстоятельство. Оно также указало на ряд других фактов, которые могут подтвердить, хотя и косвенно, обоснованность подозрения, отметив, в частности, прежде всего факты, установленные национальными судами в ходе разбирательств по искам г-жи Мюррей, недавнее осуждение ее братьев в США за преступление, связанное с закупкой оружия для Временной ИРА, ее собственные поездки в США и контакты там с братьями (см. выше, особенно п. 10, 19, 24, 25, 28 и 29). Правительство считает, что все это вместе взятое дает достаточно фактов и информации, чтобы позволить объективному наблюдателю считать, что по обстоятельствам дела имеются основания для подозрения. Любой другой вывод Суда, по мнению Правительства, чреват запретом для соответствующих органов на производство ареста лица, подозреваемого в терроризме, на основании надежной, но преимущественно секретной информации и не позволит этим органам принимать эффективные меры для противодействия организованному терроризму.

53. По мнению первой заявительницы, Правительство не представило достаточные факты, позволяющие органам Конвенции сделать выводы, что подозрение, ставшее причиной ее ареста, было обоснованным или чем-то большим, чем лишь "добросовестное" подозрение, которое требуется по закону Северной Ирландии. Как и в деле Фокса, Кэмпбелла и Хартли, разъяснения со стороны Правительства не отвечали минимальным критериям, предусмотренным в статье 5 п. 1 (c), для установления обоснованности ее ареста и задержания. Причины, призванные объяснить нераскрытие источников информации, не являются адекватными или действительными. Ряд обстоятельств вызывает сомнение в обоснованности обвинения. Так, если бы подозрение действительно было таковым, ее арест был бы произведен не на основании полномочий на осуществление четырехчасового задержания по статье 14 Закона 1978 г., а на основании более широких полномочий; допрос производился бы полицией, а не военными; не тратилось бы время на сбор данных о ее личности и ее фотографирование; ее допрос длился бы более одного часа и пятнадцати минут; ее допрашивали бы о причастности к предполагаемому правонарушению, а не только о ее братьях в США; ее предупредили бы о возможности использования сказанного ею против нее. Отвечая Правительству, она утверждала, что национальные суды исследовали вопрос не об объективной обоснованности подозрения, а о субъективных помыслах выполнявшей арест военнослужащей, капрала D.

54. Комиссия считает, что разъяснения Правительства по настоящему делу существенно не отличаются от представленных по делу Фокса, Кэмпбелла и Хартли. Она пришла к мнению, что помимо родства с осужденными братьями не было приведено никаких подкрепляющих закрытую информацию объективных доказательств в подтверждение подозрения, что первый

заявитель был причастен к сбору денег с целью приобретения оружия для Временной ИРА. Согласно выводу Комиссии, этого недостаточно, чтобы удовлетворять минимальному критерию, установленному в статье 5 п. 1 (с).

55. Что касается степени "подозрения", то Суд прежде всего хотел бы отметить, что, как указано в его решении по делу *Броуган и другие*, "статья 5 п. 1 (с) не предполагает, что следственные органы должны иметь доказательства, достаточные для предъявления обвинения либо в момент ареста, либо в период содержания под стражей. Такие доказательства, возможно, нельзя было получить или же представить в суде, не подвергая опасности жизнь других лиц" (см. вышеупомянутое решение, с. 29, п. 53). Целью допроса во время задержания, согласно статье 5 п. 1 (с), является дальнейшее продвижение уголовного расследования путем подтверждения или устранения конкретного подозрения, обосновывающего арест; вызывающие подозрение факты еще не достигли такого уровня, который необходим для осуждения или даже для предъявления обвинения, которое происходит на следующем этапе уголовного процесса.

56. Продолжительность срока лишения свободы также может быть существенным фактором для определения необходимой степени подозрения. Срок задержания, допустимый по статье, на основании которой была арестована г-жа Мюррей, а именно по статье 14 Закона 1978 г., был ограничен максимум четырьмя часами.

57. Что касается непосредственно "обоснованности" подозрения, то принципы, изложенные в решении по делу Фокса, Кэмпбелла и Хартли, должны быть применены и в настоящем деле, хотя, как указано в том решении, наличие или отсутствие обоснованного подозрения в конечном счете определяется в каждом случае конкретными обстоятельствами.

58. Прежде всего Суд хотел бы повторить, что признает, что использование конфиденциальной информации является важным элементом в борьбе с терроризмом и угрозой, которую он представляет для жизни граждан и демократического общества (см. также решение по делу *Класс и другие* от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 23, п. 48). Однако это не означает, что следственные органы имеют по статье 5 карт-бланш на арест подозреваемых в причастности к терроризму с целью допроса вне эффективного контроля национальных судов или органов Конвенции (там же, с. 23, п. 49).

59. Применительно к настоящему делу несомненными фактами можно считать кампанию терроризма в Северной Ирландии, многочисленные жертвы, к которым она привела за прошедшие годы, и активное участие в этой кампании Временной ИРА. Суд также согласен с тем, что право на арест, данное военным статьей 14 Закона 1978 г., представляет собой *bona fide* попытку демократически избранного Парламента подавить терроризм в рамках верховенства права. Тот факт, что статьи применявшегося Закона были изменены в 1987 г. в результате доклада Бейкера в том смысле, что арест должен производится по обоснованному, а не просто "добросовестному" подозрению, не меняет сказанного (см. п. 37 выше).

Суд, соответственно, готов отнестись с определенным доверием к заявлению Правительства-ответчика о существовании надежной, но конфиденциальной информации, обосновывающей подозрение в отношении г-жи Мюррей.

60. Согласно решению по делу Фокса, Кэмпбелла и Хартли, Правительство-ответчик должно было дополнительно "представить по крайней мере некоторые факты или информацию, которая могла бы убедить Суд,

что арестованное лицо обоснованно подозревалось в совершении вменяемого ему в вину правонарушения" (см. п. 51 выше). В данном случае, в отличие от дела Фокса, Кэмпбелл и Хартли, органы Конвенции имели возможность ознакомиться с результатами проверки фактов и утверждений г-жи Мюррей национальными судами в ходе возбужденных ею гражданских процессов.

61. Нельзя исключать, что все или некоторые из доказательств, приведенных в национальных судах в подтверждение реальности подозрения, на основании которого была арестована г-жа Мюррей, сохраняют значение для решения вопроса о том, было ли подозрение "обоснованным" в свете статьи 5 п. 1 (c) Конвенции. Достоверность и *bona fides* подозрения составляют один из необходимых элементов обоснованности.

При рассмотрении предъявленных г-жой Мюррей Министерству обороны гражданско-правовых требований, связанных с неправомерностью лишения свободы, судья Высокого Суда, заслушав показания свидетелей и оценив их достоверность, пришел к выводу, что г-жа Мюррей действительно подозревалась в причастности к сбору средств для закупки оружия в США для Временной ИРА (см. п. 24 выше). Судья поверил показаниям военнослужащей, производившей арест, капралу D, которая была охарактеризована как "явно честный свидетель" (см. п. 11 и 24 выше). Хотя допрос в Армейском центре происходил по времени позднее, чем арест, последовательность вопросов при допросе, по мнению судьи, также подтверждает вывод, что в совершении конкретного преступления подозревалась именно г-жа Мюррей (см. п. 14 и 25 выше).

62. За несколько недель до ареста г-жи Мюррей два ее брата были осуждены в США в связи с закупкой оружия для Временной ИРА (см. п. 10 выше). Свидетельствуя в Высоком Суде, она подтвердила, что во время пребывания в США и у нее были контакты с братьями (см. п. 19 выше). Обстоятельства дел осужденных братьев свидетельствуют о сотрудничестве с "надежными людьми", проживающими в Северной Ирландии.

63. Учитывая объем данных, полученных на исходной стадии, и особые сложности расследования террористических преступлений, Суд, в свете всех вышеизложенных соображений, считает, что имелось достаточно фактов и информации, дававших объективные основания подозревать г-жу Мюррей в преступном соучастии, выразившемся в сборе средств для Временной ИРА. Поэтому на основании конкретных обстоятельств настоящего дела Суд считает, что г-жа Мюррей была арестована и задержана по "обоснованному подозрению" в совершении уголовного преступления по смыслу статьи 5 п. 1 (c).

C. Цель ареста

64. По утверждению первой заявительницы, из того, как все происходило, ясно следовало, что она была арестована не с тем, чтобы предстать перед "компетентным судебным органом", а лишь с целью допроса для сбора общих сведений. На стандартном бланке протокола в Армейском центре она сделала оговорку о том, что военные не привлекли полицию к ее допросу, а также о его длительности (один час) (см. п. 15 выше).

Правительство оспорило это утверждение, указав, что заявительница поднимала это вопрос в национальном суде и он был отклонен на основании показаний, проверенных перекрестным допросом свидетелей.

Комиссия в своем докладе не сочла необходимым рассматривать эту жалобу ввиду своего вывода об отсутствии "обоснованного подозрения" для ареста и задержания.

65. Согласно действующему законодательству Северной Ирландии, право на арест и задержание, предоставленное военным по статье 14 Закона 1978 г., не может быть использовано в неправомерных целях, таких как сбор сведений (см. п. 38 (c) выше). При разбирательстве гражданского иска, предъявленного г-жой Мюррей Министерству обороны, судья на основании представленных ему доказательств пришел к выводу, что целью ее ареста и задержания по статье 14 Закона 1978 г. было установление фактов, относящихся к преступлению, в котором она подозревалась (см. п. 25 выше). Прежде чем сделать этот вывод, судья имел возможность заслушать показания различных свидетелей и оценить их достоверность. Он принял показания капрала D и сержанта B как правдивые и отклонил утверждения г-жи Мюррей, в частности ее заявление о том, что сержант B сказал ей, что ее ни в чем не подозревали и она была арестована лишь для того, чтобы обновить ее досье (см. п. 19, 20—22, 24 и 25 выше). Апелляционный суд в свою очередь отклонил ее аргумент о том, что арест и задержание имели целью поиск сведений общего плана (см. п. 29 выше). Этот аргумент не выдвигался при рассмотрении дела в Палате лордов (см п. 32 выше).

66. Задача Суда состоит в том, чтобы решить, были ли выполнены требования, изложенные в статье 5 п. 1 (c), в том числе относительно наличия правомерной цели, в обстоятельствах конкретного дела. Однако Суд при этом не должен, как правило, устанавливать факты вместо национальных судов, которые находятся в лучшем положении для оценки представленных им доказательств (см., например, решение по делу *X против Соединенного Королевства* от 5 ноября 1981 г. Серия A, т. 46, с. 19— 20, п. 43 применительно к статье 5 п. 1 (e), а также решение по делу Класса от 22 сентября 1993 г. Серия A, т. 269, с. 17, п. 29, применительно к статье 3). Что касается настоящего дела, то заявительница во время разбирательств в органах Конвенции не представила убедительных доказательств, которые могли бы побудить Суд к пересмотру фактов, установленных судами Северной Ирландии.

67. Г-же Мюррей не было предъявлено обвинение, она не предстала перед судом и была освобождена после допроса, который длился несколько более часа (см. п. 14 выше). Однако это необязательно означает, что цель ее ареста и задержания не соответствовала статье 5 п. 1 (c), поскольку "существование подобной цели следует рассматривать отдельно от ее достижения" (см. вышеупомянутое решение по делу *Броуган и другие*, с. 29— 30, п. 53). Как было отмечено национальными судами (см. п. 25 *in fine*, 29 и 34), ввиду того, что она упорно отказывалась отвечать на какие-либо вопросы в Армейском центре (см. п. 13, 14 и 19 выше), неудивительно, что власти не смогли продвинуться вперед в подозрениях против нее. Можно предположить, что если бы эти подозрения были подтверждены, то было бы предъявлено обвинение и она предстала бы перед компетентным судебным органом.

68. Первый заявитель утверждала также, что требуемая правомерная цель отсутствовала, ввиду того факта, что на практике лица, подвергнутые аресту военными по статье 14, никогда не передавались ими компетентному судебному органу, а в случае подтверждения подозрений во время допроса передавались полиции, которая предъявляла обвинения и пред-

принимала необходимые действия, чтобы соответствующее лицо предстало перед судом.

Суд не считает данный аргумент важным. Для соблюдения обязательств по Конвенции важно существо, а не форма. Если цель ареста и задержания действительно состоит в том, чтобы лицо предстало перед компетентным судебным органом, механизм достижения этого не играет решающей роли.

69. Поэтому арест и задержание первого заявителя следует считать произведенными в соответствии с целью, указанной в п. 1 (c).

D. Вывод

70. Таким образом, нарушение статьи 5 п. 1 в отношении первого заявителя места не имело.

III. О предполагаемом нарушении статьи 5 п. 2 конвенции

71. Первый заявитель утверждала также, что нарушена статья 5 п. 2 Конвенции, которая предусматривает:

"Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение."

72. Установившиеся принципы толкования и применения статьи 5 п. 2 в делах подобных настоящему были разъяснены Судом в решении по делу Фокса, Кэмпбелла и Хартли следующим образом (см. вышеупомянутое решение, с. 19, п. 40):

"Пункт 2 статьи 5 содержит элементарную гарантию: каждый арестованный должен знать, почему он лишен свободы. Интегрированный в систему защиты, установленную статьей 5, этот пункт обязывает разъяснять каждому арестованному на простом, понятном ему языке юридические и фактические основания его ареста, с тем чтобы он мог обратиться в суд, если захочет оспорить законность ареста в соответствии с п. 4... Хотя эта информация должна быть сообщена "незамедлительно", нет необходимости, чтобы полицейский, производящий арест, сообщил ее во всей полноте в этот момент. Вопрос о том, получил ли арестованный достаточную информацию и насколько незамедлительно, оценивается в соответствии с особенностями каждого дела".

По обстоятельствам того дела Суд установил, что причины ареста заявителей были доведены до их сведения во время допросов, состоявшихся через несколько часов после ареста и поэтому посчитал, что в данном деле требования статьи 5 п. 2 были соблюдены.

73. Первый заявитель утверждала, что за все время ее ареста и задержания ей так и не сообщили достаточной или вообще какой-либо информации о причинах ее ареста. Хотя она сознавала, что военные проявляют интерес к деятельности ее братьев, она не поняла из допроса в Армейском центре, как она утверждает, что она сама подозревалась в причастности к сбору средств для Временной ИРА. Единственной ясной информацией, которую она получила, была официальная формулировка, употребленная капралом D при аресте.

74. Комиссия также пришла к мнению, что невозможно сделать какие-либо выводы из туманных по ее мнению показаний капрала D Высокому Суду. По ним трудно определить, мог ли первый заявитель понять из допроса, почему ее арестовали. Как считает Комиссия, не было доказано, что

вопросы, заданные г-же Мюррей во время допроса, являлись достаточно определенными, чтобы представлять собой информацию, требуемую статьей 5 п. 2 относительно причин ареста.

75. По заявлению Правительства, из показаний в суде наоборот очевидно, что во время допроса г-же Мюррей было ясно дано понять, что ее подозревали в участии в сборе денег для Временной ИРА. Правительство не согласилось с заключением Комиссии, которое расходится с выводами национальных судов. Оно считает установленным, что г-же Мюррей была сообщена достаточная информация о причинах ее ареста. Если даже предположить, что это не так и соответственно она не могла воспользоваться правом обращения в Суд для проверки законности ее ареста по статье 5 п. 4 Конвенции, она не понесла в результате никакого ущерба, который позволил бы говорить о нарушении статьи 5 п. 2, т. к. ее освобождение произошло быстрее, чем могло состояться судебное решение о ее задержании.

76. Все согласны с тем, что выполнявшая арест военнослужащая, капрал D, помимо произнесения официальных слов об аресте, требуемых по закону, назвала г-же Мюррей также статью Закона 1978 г., согласно которой производился арест (см. п. 12 и 36 выше). Указание только на правовое основание ареста само по себе не является достаточным для целей статьи 5 п. 2 (см. вышеупомянутое решение по делу Фокса, Кэмпбелла и Хартли, с. 19, п. 41).

77. Во время судебного разбирательства по иску г-жи Мюррей к Министерству обороны показания о допросе в Армейском центре давали г-жа Мюррей и капрал D; военнослужащий, который проводил допрос, показаний не давал (см. п. 14, 19 и 21 выше). Г-жа Мюррей показала, что ее спрашивали о ее братьях в США и о ее контактах с ними, а не о закупке оружия для Временной ИРА или о каком-либо преступлении (см. п. 19 выше). Капрал D точно не помнила содержание вопросов, заданных г-же Мюррей. Это неудивительно, поскольку суд состоялся через три года после самих событий (г-жа Мюррей подала иск через полтора года), а капрал D, хотя и присутствовала на допросе, не принимала в нем активного участия (см. п. 14, 16, 17 и 21 выше). Однако капрал D помнила, что задавали вопросы о деньгах и об Америке, а рассматривавший дело судья решил, что она "явно честный свидетель" (см. п. 21 и 24 выше). Незадолго до ареста г-жи Мюррей двое ее братьев были осуждены в США за правонарушения, связанные с закупкой оружия для Временной ИРА, о чем предположительно было известно всем, кто имел отношение к допросу (см. п. 10 выше).

По мнению Суда, г-же Мюррей должно было быть очевидным, что ее допрашивают о ее возможной причастности к сбору средств для приобретения оружия для Временной ИРА ее братьями в США. Конечно, говоря словами национального судьи, рассматривавшего дело, "никакого детального допроса по поводу сбора ею денег не было", однако, как отметили национальные суды, это произошло потому, что г-жа Мюррей вообще отказалась отвечать на какие- либо вопросы, за исключением вопроса о том, как ее зовут (см. п. 14, 23, 25, 29 и п. 34 *in fine* выше). Суд поэтому считает, что причины ее ареста были в достаточной степени доведены до ее сведения во время допроса.

78. Г-жа Мюррей была арестована у себя дома в 7 часов утра и допрошена в Армейском центре в тот же день между 8.20 и 9.35 утра (см. п. 12 и 14 выше). В контексте настоящего дела этот интервал не может считаться

выходящим за рамки ограничений во времени, установленных понятием незамедлительности в статье 5 п. 2.

79. Ввиду вышеизложенных выводов у Суда нет необходимости рассматривать субсидиарные доводы Правительства.

80. Таким образом, нарушение п. 2 статьи 5 в отношении первого заявителя места не имело.

IV. О предполагаемом нарушении статьи 5 п. 5 Конвенции

81. Первый заявитель утверждала также, что нарушена статья 5 п. 5 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, кто стал жертвой ареста или задержания в нарушение положений данной статьи, имеет право на компенсацию".

С этим утверждением Комиссия согласилась, а Правительство нет. Комиссия пришла к выводу, что законодательство Северной Ирландии не знает права на судебное возмещение ущерба, вследствие нарушения статьи 5 п. 1 и 2, что по мнению Комиссии имело место.

82. Поскольку Суд пришел к выводу, что нарушения статьи 5 п. 1 и 2 не произошло, то не возникает вопрос и по статье 5 п. 5. Соответственно, нарушение этой последней нормы в настоящем деле места не имело.

V. О предполагаемом нарушении статьи 8 Конвенции

83. Все шесть заявителей утверждали, что являются жертвами нарушения статьи 8 Конвенции, которая предусматривает:

"1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны государственных органов в осуществление этого права, за исключением вмешательства, предусмотренного законом и необходимого в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности, или защиты прав и свобод других лиц".

A. Аргументы, представленные Суду

84. Первый заявитель жаловалась на обращение, которому она подверглась как у себя дома, так и в Армейском центре, где она возражала против записи данных о ее личности и о ее семье, а также против того, что ее сфотографировали без ее ведома или согласия (см. п. 12 и 15 выше). Все шесть заявителей утверждали, что вторжение и обыск их семейного жилища военными, а также тот факт, что второго, третьего, четвертого, пятого и шестого заявителей короткий период времени удерживали в одной комнате, являются нарушением статьи 8 (см. п.12 выше).

85. Как Правительство, так и Комиссия считают, что действия, ставшие предметом жалобы, были оправданны в свете статьи 8 п. 2 как законные меры, необходимые в демократическом обществе в целях предотвращения преступлений в контексте борьбы с терроризмом в Северной Ирландии.

B. Вмешательство

86. Не было возражений по поводу того, что оспариваемые заявителями меры явились вмешательством в осуществление заявителями права на уважение их личной и семейной жизни, неприкосновенности их жилища.

C. "Предусмотрено законом"

87. Заявители, однако, не согласны с тем, что имевшее место в результате этих мер вмешательство "предусмотрено законом". Они не считают, что оспариваемые меры были составной частью ареста и задержания г-жи Мюррей и что национальные суды подтвердили их законность, в частности относительно хранения досье с фотографией г-жи Мюррей.

88. Вторжение и обыск дома военными, подобные тем, что произошли в настоящем деле, прямо допускаются статьей 14 § 3 Закона 1978 г. (см. п. 36 и 38 выше). Апелляционный суд подтвердил законность обыска в настоящем деле (см. п. 30 выше). Короткий период ограничения свободы, которому были подвергнуты другие члены семьи г-жи Мюррей, когда их попросили собраться в одной комнате, по мнению Палаты лордов, был необходимой и правомерной частью процедуры ареста г-жи Мюррей (см. п. 33 выше). Апелляционный суд и Палата лордов подтвердили также, что подразумеваемые законные полномочия военных по статье 14 распространяются на допрос задержанного лица и запись данных о его личности, подобных тем, которые содержатся в стандартной форме протокола (см. п. 41, а также п. 15, 30 и 34 выше). В решениях национальных судов подразумевается, что сохранение таких досье допускается в силу тех же законных полномочий, которые следуют из статьи 14 (см. п. 41 *in fine* выше). Фотографирование и сохранение фотографии первого заявителя без ее согласия не имело оснований в законе, но, как разъяснено судьей, рассматривавшим дело, а также Апелляционным судом, были законными по нормам общего права (см. п. 26, 30, 39 и 40 выше).

Таким образом, оспариваемые меры имели основания в национальном праве. Суд не видит причин, которые не позволяли бы по имеющимся у него материалам сделать вывод, что каждая из этих разных мер "предусмотрена законом" в соответствии со смыслом статьи 8 п. 2.

D. Правомерная цель

89. Эти меры, несомненно, преследовали правомерную цель предотвращения преступлений.

E. Необходимо в демократическом обществе

90. Последнее, что остается определить — были ли они необходимы в демократическом обществе и, в частности, были ли принятые меры соразмерны правомерно преследуемой цели. В этой связи Суду не следует заменять своей оценку национальных властей, которые лучше знают, какова должна быть политика в области расследования террористических преступлений (см. вышеупомянутое решение по *делу Класс и другие*, с. 23, п. 49). Национальные власти обладают определенной свободой усмотрения в отно-

шении того, какие меры необходимы как в целом, так и в конкретных случаях.

91. В настоящем решении уже подчеркивалась ответственность правительства избранного в демократическом обществе в сфере защиты граждан и институтов от угрозы организованного терроризма, а также особенность проблем, с которыми сопряжены арест и задержание лиц, подозреваемых в правонарушениях, связанных с терроризмом (см. п. 47, 51 и 58 выше). Эти два фактора влияют на справедливое равновесие, которое должно существовать между осуществлением отдельной личностью прав гарантированных ей в п. 1 статьи 8, и возможностью для государства, в соответствии с п. 2, принимать эффективные меры в целях предотвращения террористических преступлений (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу *Класс и другие*, с. 28, п. 59).

92. Национальные суды установили, что г-жа Мюррей добросовестно подозревалась в совершении связанного с терроризмом преступления (см. п. 24 и 28 выше). Европейский Суд, со своей стороны, на основании представленных ему доказательств пришел к мнению, что это подозрение можно считать обоснованным в свете статьи 5 п. 1 (c) (см. п. 63 выше). Суд согласен, что в принципе существовала необходимость как в полномочиях, подобных тем, которые предоставлены статьей 14 Закона 1978 г., так и во вторжении в жилище г-жи Мюррей и его обыске с целью ареста г-жи Мюррей в данном конкретном случае.

Кроме того, следует признать существование указанных лордом Гриффитсом в его речи в Палате лордов "условий крайней напряженности", в которых приходится производить такие аресты в Северной Ирландии. Суд отмечает следующие слова лорда Гриффитса (см. п. 33 выше):

"Обыск не может быть ограничен только поиском лица, которое необходимо арестовать, а должен также включать действия, направленные на обеспечение мирного характера ареста. Я... считаю совершенно разумной предосторожностью предложение всем живущим в доме собраться в одной комнате... Все в наивысшей степени заинтересованы в том, чтобы арест был произведен мирным образом, и я удовлетворен тем, что порядок действий, которых придерживаются военные, является разумным, обоснованным и имеет целью выполнение ареста с минимумом опасности и беспокойств для всех лиц, имеющих к нему отношение".

Эти легитимные соображения объясняют и оправдывают то, каким образом было осуществлено вторжение в жилище заявителей и его обыск. Суд не считает, что предпринятые властями в этой связи действия в отношении кого-то из заявителей были несоразмерны преследуемой цели.

93. Нельзя считать, что компетентные власти вышли за законные рамки расследования террористических преступлений заведя и сохранив досье о личности арестованного лица или даже иных лиц, которые присутствовали во время ареста. О личных сведениях, полученных во время обыска семейного жилища или во время пребывания г-жи Мюррей в Армейском центре нельзя сказать, что они не имеют отношения к процедуре ареста и допроса (см. п. 12 и 15 выше). Аналогичные выводы применимы к факту фотографирования и сохранения фотографии г-жи Мюррей в Армейском центре (см. п. 13 и 14 выше). В этой связи Суд также не считает, что предпринятые действия были несоразмерны преследуемой цели.

94. В свете конкретных обстоятельств дела Суд считает, что меры, ставшие предметом жалобы, могут рассматриваться как необходимые в

демократическом обществе в целях предотвращения преступлений в соответствии со смыслом статьи 8 п. 2.

F. Вывод

95. Таким образом, нарушение статьи 8 в отношении кого-либо из заявителей места не имело.

VI. О предполагаемом нарушении статьи 13 Конвенции

96. Первый заявитель утверждала, что в нарушение статьи 13 Конвенции, национальное право не предоставляет ей права на эффективные средства правовой защиты своих требований по статьям 5 и 8. Статья 13 гласит следующее:

"Каждый человек, чьи права и свободы, признанные настоящей Конвенцией, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве."

A. Жалобы в связи с арестом, задержанием и отсутствием информации о причинах ареста (статья 5 п. 1 и 2)

97. Комиссия пришла к мнению, что нет необходимости рассматривать жалобу такого рода на том основании, что признание нарушения статьи 5 п. 5 снимает отдельный вопрос по статье 13.

Правительство заявило, что при признании нарушения статьи 5 п. 5 подход Комиссии является правильным, однако в противном случае следует считать, что требования статьи 13 соблюдены.

98. В системе Конвенции защита права на свободу и личную неприкосновенность — это *lex specialis* в отношении права на жалобу, а также п. 4 статьи 5 (см. решение по делу Браннигана и Макбрайда от 26 мая 1993 г. Серия A, т. 258-B, с. 57, п. 76), который предусматривает:

"Каждый, кто лишен свободы путем ареста или задержания, имеет право на разбирательство, в ходе которого суд безотлагательно решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно."

Границы этого конкретного права при аресте и задержании по чрезвычайному законодательству Северной Ирландии рассматривались Судом прежде всего в решениях по делу *Броуган и другие* и делу Фокса, Кэмпбелла и Хартли (указ. решения, с. 34—35, п. 65 и с. 20—21, п. 45 соответственно).

Однако ни на одном из этапов разбирательства в органах Конвенции первый заявитель не представила жалобы по статье 5 п. 4. Суд не видит ни юридических, ни фактических причин решать вопрос о том, являются ли менее строгие требования статьи 13 достаточными по настоящему делу.

B. Жалобы в связи с вторжением и обыском (статья 8)

99. Первый заявитель утверждала на отсутствие эффективных правовых средств для обжалования в свете статьи 8 действий военных в связи с вторжением в ее дом и обыском; разбирательство, которое она могла на-

чать в национальных судах по этому поводу, было бы безуспешным, т. к. национальное право содержит законные оправдания таких действий.

Комиссия выразила мнение, что соответствующее правовое средство все же существует в национальном праве, в форме иска о возмещении убытков, причиненных незаконным нарушением.

Правительство согласилось с этим и приняло мнение Комиссии.

100. Суд также пришел к тому же выводу, что и Комиссия. Статья 13 гарантирует наличие в национальном праве средств, обеспечивающих реализацию предусмотренных в Конвенции прав в той форме как сложились в национальном правопорядке. Следовательно возможно требование такого средства, позволяющего "национальному органу" как рассматривать основанные на Конвенции жалобы по существу, так и удовлетворять их в надлежащих случаях (см. *inter alia* решение по делу *Вилварадж и другие* от 30 октября 1991 г. Серия А, т. 215, с. 39, п. 122). Средство, доступное г-же Мюррей, могло бы отвечать этим условиям. Как отметила Комиссия, слабые надежды на успех в свете конкретных обстоятельств данного дела не уменьшают "эффективность" этого средства в целях статьи 13 (там же).

C. Жалобы в связи с фотографированием, сохранением фотографии и данных о личности (статья 8)

101. Что касается жалоб первой заявительницы по статье 8 относительно фотографирования, сохранения фотографии и данных о личности, то она согласилась с особым мнением сэра Базила Халла, который полагая, что статья 13 была нарушена, поскольку североирландский правопорядок не обеспечивает защиту личности, оказавшейся в ее положении, т. к. не знает права на неприкосновенность личной жизни в его общей форме.

Комиссия, сославшись на судебную практику (см. решение по делу *Джеймс и другие* от 21 февраля 1986 г., Серия А, т. 98, с. 47—48, п. 85—86), пришла к выводу, что в той мере в какой жалобы первого заявителя направлялись против законодательства Северной Ирландии, то по статье 13 действительно отсутствует эффективное средство правовой защиты, но если можно прийти к выводу, что предмет жалобы — применение закона в ее деле, то она могла бы предъявить иск в суды Северной Ирландии.

Правительство согласилось с этим и приняло мнение Комиссии.

102. По этому вопросу Суд также пришел к тому же выводу, что и Комиссия.

Обеспечил ли г-же Мюррей соответствующий национальный закон, примененный к ней, достаточную степень защиты ее права на уважение ее личной жизни — это основной вопрос, вытекающий из статьи 8. Действия, обжалованные г-жой Мюррей по статье 8, признаны в настоящем решении совместимыми с требованиями статьи 8 (см. п. 83—95 выше). Статья 13, не гарантирует г-же Мюррей возможность жалобы, позволяющей оспаривать нормы права Северной Ирландии перед государственной властью (см. упомянутое решение по делу *Джеймс и другие*). В остальном, ей были доступны эффективные правовые средства, чтобы предъявить любой иск о несоблюдении национального права.

D. Вывод

103. Таким образом, обстоятельства настоящего дела не свидетельствуют о нарушении статьи 13 в отношении первого заявителя.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил,* четырнадцатью голосами против четырех, что нарушение статьи 5 п. 1 Конвенции в отношении первого заявителя места не имело.

2. *Постановил,* тринадцатью голосами против пяти, что нарушение статьи 5 п. 2 Конвенции в отношении первого заявителя места не имело.

3. *Постановил,* тринадцатью голосами против пяти, что нарушение статьи 5 п. 5 Конвенции в отношении первого заявителя места не имело.

4. *Постановил*, пятнадцатью голосами против трех, что нарушение статьи 8 Конвенции в отношении всех заявителей места не имело.

5. *Постановил,* единогласно, что нет необходимости рассматривать в свете статьи 13 Конвенции жалобу первого заявителя об отсутствии средств эффективной правовой защиты ее требований по статье 5 п. 1 и 2.

6. *Постановил* единогласно, что по остальным вопросам нарушение статьи 13 в отношении первого заявителя места не имело.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 28 октября 1994 г.

Герберт Петцольд — *Исполняющий обязанности грефье*

Рольф Риссдал — *Председатель*

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда А к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ЛОИЗУ, МОРЕНИЛЫ И МАКАРЧИКА

1. Мы согласны с большинством членов Суда, что при толковании и применении Конвенции необходимо принимать во внимание особый характер террористических преступлений, специфические сложности расследования террористической деятельности и необходимость не ставить под угрозу конфиденциальность надежных источников информации. Однако мы не можем согласиться с выводом об отсутствии нарушения статьи 5 п. 1, 2 и 5, а также статьи 8 Конвенции в настоящем деле.

Напротив, мы считаем, что нарушение основных прав заявителей на свободу и личную неприкосновенность, на уважение личной жизни подтверждается обстоятельствами дела, а именно вторжением военных в дом заявителей и его обыском без ордера в 7 часов утра, тем, что мужа и четверых детей г-жи Мюррей собрали в одной комнате дома и держали там в течение получаса, ее арестом и задержанием на два часа для допроса в военном контрольном центре по подозрению в ее причастности к террористическим действиям потому, что ее братья были осуждены в Соединенных Штатах Америки в связи с закупкой оружия для Временной ИРА, и тем, что ей не были сообщены причины ее ареста (п. 9—34 судебного решения).

2. Что касается ареста и задержания г-жи Мюррей, мы, к сожалению, не убеждены аргументами большинства, изложенными в п. 62 и 63, в наличии "обоснованности подозрения". Мы также не считаем, что факты этого дела существенно отличаются от имевшихся в деле Фокса, Кэмпбелла и Хартли, в решении по которому Суд пришел к выводу о нарушении статьи 5 п. 1, поскольку счел данные, представленные Правительством, недостаточными для вывода о существовании "обоснованного подозрения" в том, что арестованные лица совершили преступление[1].

3. Осуждение в Соединенных Штатах двух братьев г-жи Мюррей в связи с приобретением оружия для Временной ИРА, посещение ею своих братьев в США и ссылка на взаимодействие с "надежными людьми", проживающими в Северной Ирландии, не являются, по нашему мнению, достаточными причинами, чтобы обоснованно подозревать первого заявителя в противоправном сборе средств в Северной Ирландии с целью закупки оружия в Соединенных Штатах для террористических целей. Родственные отношения еще не говорят о наличии преступных связей между правонарушителем и его родственниками; тот факт, что преступление предполагает "сотрудничество" ряда лиц, не может служить основанием для обоснованного подозрения в соучастии членов семьи или друзей преступника. Эти обстоятельства могут вызвать только "добросовестное" подозрение в таком соучастии. Они недостаточны для "обоснованного" подозрения, оправдывающего серьезные меры, принятые в отношении заявителей, если они не дополнены другими фактами, имеющими прямое отношение к преступлению. Однако Правительство-ответчик не представило никаких фактов подобного рода, хотя, по нашему мнению, оно могло бы сообщить их, не подвергая опасности конфиденциальность источника информации, необходимую для его сохранения и обеспечения личной безопасности (п. 52 решения).

4. Задача Суда, как заявлено большинством (п. 66 решения), состоит в том, чтобы решить, были ли выполнены требования, изложенные в п. 1 (c) статьи 5, учитывая обстоятельства конкретного дела. Относясь с должным уважением к исследованию обстоятельств дела, выполненному национальными судами (п. 60 решения), их заключениям и выводам в процессах, начатых г-жой Мюррей, мы считаем, что Суд обязан, в соответствии со статьей 19 Конвенции, следить за соблюдением обязательств, принятых на себя государствами-участниками по статье 1, в отношении обеспечения каждому лицу, находящемуся под их юрисдикцией, *inter alia* права на свободу и права на уважение личной жизни. Осуществляя эти контрольные полномочия, Суд должен определять, была ли по существу обеспечена гарантия, предоставляемая этой статьей Конвенции. "Отсюда следует, что государство-ответчик обязано представить по крайней мере некоторые факты или информацию, которые могли бы убедить Суд, что арестованное лицо обоснованно подозревалось в совершении вменяемого ему в вину правонарушения" (решение по делу Фокса, Кэмпбелла и Хартли, с. 18, п. 34).

5. В настоящем деле конкретные обстоятельства вторжения военных в жилище заявителей и его обыска, ограниченная роль военных в расследовании террористических преступлений по законодательству Соединенного Королевства (п. 36 и 38 решения) и, кроме того, личные обстоятельства г-жи Мюррей, матери четверых детей, имеющей проблемы со здоровьем и

[1] Решение по делу Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства от 30 августа 1990 г. Серия A, т. 182.

не совершавшей никаких преступлений в прошлом (п. 9 решения и документ Суда (93) 290, приложения A-B, с. 100 B-C, 116 B-C), требовали от государства-ответчика более серьезных подозрений и более строгих критериев при доказательстве перед настоящим Судом "обоснованности" подозрения. К тому же, национальные суды рассматривали этот вопрос с точки зрения статьи 14 Закона 1978 г., которая предусматривает наличие добросовестного, а не обоснованного подозрения. Пределы их разбирательства были ограничены.

6. Что касается утверждения о нарушении статьи 5 п. 2 Конвенции, то, по нашему мнению, показания, касающиеся допроса г-жи Мюррей в военном контрольном центре (п. 16—27 решения), туманные высказывания и вопросы, заданные ей, недостаточно точны для оправдания вывода о том, что ей было сообщено о причинах ее ареста. Из приведенных вопросов о ее братьях или "о деньгах и об Америке" мы не можем заключить, что ей было очевидно, "что ее допрашивают о ее возможной причастности к сбору средств для приобретения оружия ее братьями в США для Временной ИРА."

7. В решении по делу Фокса, Кэмпбелла и Хартли (п. 40) Суд заявил, "пункт 2 статьи 5 содержит элементарную гарантию: каждому арестованному было известно, почему он лишен свободы. Интерпретированное в систему защиты по статье 5, она требует, чтобы каждому арестованному были объяснены на понятном ему языке юридические и фактические основания его ареста, с тем чтобы он мог, если сочтет необходимым, обратиться в суд для оспаривания законности ареста в соответствии с п. 4."

По нашему мнению, принимая во внимание обстоятельства в их совокупности, в том числе характер вопросов, заданных г-же Мюррей в ходе ее допроса (п. 14 и 21 решения), информация, сообщенная г-же Мюррей, не отвечает этому основному критерию.

8. Что касается статьи 5 п. 5 Конвенции, то, поскольку арест и задержание г-жи Мюррей были произведены в нарушение п. 1 и 2 данной статьи, она имеет право требовать по суду возмещения вреда. Мы хотели бы напомнить, как это сделала Комиссия (п. 75 доклада), что в аналогичном деле Фокса, Кэмпбелла и Хартли (п. 46) Суд пришел к выводу о нарушении статьи 5 п. 5.

9. Нарушение статьи 8 Конвенции прямо связано со статьей 5 п. 1 Конвенции. Констатировав нарушение этой последней статьи, нельзя не признать, что вмешательство в личную жизнь г-жи Мюррей не может рассматриваться, из-за отсутствия объективных оснований подозревать г-жу Мюррей в террористической деятельности, как необходимое в демократическом обществе в целях предотвращения преступлений в соответствии со статьей 8 п. 2. Поэтому мы считаем, что эта статья Конвенции также нарушена.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МИФСУДА БОННИЧИ

1. Я согласен с большинством почти по всем вопросам, которые рассматривались в этом деле, начиная с ареста первого заявителя по обосно-

ванному подозрению в совершении правонарушения, и считаю, таким образом, что статья 5 п. 1 не была нарушена.

2. Однако я не согласен по второму вопросу, который касается статьи 5 п. 2. Эта статья гарантирует "каждому арестованному" право, согласно которому ему "незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение".

Существенными и имеющими отношение к делу фактами, которые признаны судебным решением, являются следующие.

(a) Когда капрал D была уже в доме первого заявителя, она сказала ей: "Как представитель Вооруженных сил Ее Королевского Величества сообщаю, что вы арестованы". После того, как первый заявитель дважды ее спросила, по какой статье, капрал D ответила: "По 14-й статье" (п. 12 решения).

(b) Капрал D сказала национальному суду, что "цель ареста и задержания по статье 14 состояла не в сборе сведений, а в проведении допроса подозреваемого лица по поводу преступления" (п. 20 решения). Это было подтверждено сержантом B (п. 22).

3. Таким образом, нет никаких свидетельств, что, после того, как первый заявитель была арестована на основании статьи 14, ей незамедлительно были сообщены причины ее ареста и/или предъявляемое ей обвинение.

Учитывая конкретные обстоятельства этого дела, я готов допустить, что вопрос о незамедлительности можно не рассматривать в связи с коротким сроком задержания, однако как только первый заявитель была арестована (а не просто получила предложение добровольно пройти допрос), у нее возникло право на то, чтобы ей сообщили, почему она арестована, поскольку один факт ареста означал, что "она подозревается в совершении определенного преступления". Когда это сообщено, дальнейшая информация о том, в чем она обвиняется, может последовать в разумный срок. Однако первой стадией, на которой арестованному лицу должны быть сообщены причины ареста, нельзя пренебрегать или пропустить ее, особенно когда, как в этом деле, арестованному лицу не предъявлено обвинение.

4. Согласно взгляду большинства (п. 77 решения), эта гарантия соблюдена, так как:

"г-же Мюррей должно было быть очевидным, что ее допрашивают о ее возможной причастности к сбору средств для приобретения оружия ее братьями в США для Временной ИРА", это побудило Суд прийти к заключению, что "причины ее ареста были в достаточной степени доведены до ее сведения во время допроса".

Поэтому нарушение места не имело.

5. По моему мнению, это решение снижает значение статьи 5 п. 2 до такого низкого уровня, что возникает сомнение, сможет ли она реально иметь какое-то конкретное применение в будущем, если придерживаться такого ее толкования.

Фактически оно означает, что на основании содержания допроса арестованный может, путем дедуктивного вывода, сам прийти к пониманию "причин его ареста и...предъявляемого ему обвинения". Поскольку Конвенция обязывает того, кто проводит расследование, "сообщать" это арестованному, я не могу согласиться, что обязанность, возложенная на следователя, может быть выполнена требованием к арестованному в ходе допроса логическим путем определить, в чем он обвиняется и почему арестован.

6. Придерживаться такого толкования статьи 5 п. 2 невозможно. Это означало бы, что предусмотренная статьей гарантия будет фигурировать только в ситуациях, подобной той, которая описана в известной книге Франца Кафки "Процесс", где Инспектор, который должен допрашивать К (обвиняемого), говорит ему:

"Я не могу подтвердить, что вам предъявляется обвинение, или, точнее, я не знаю, являетесь ли вы обвиняемым. Вы арестованы. Это точно. И больше я ничего не знаю."

7. Поэтому данное большинством толкование является существенным ограничением цели статьи 5 п. 2, с чем я не могу согласиться и считаю, что эта статья нарушена.

8. По остальным вопросам этого решения я придерживаюсь мнения большинства.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЯМБРЕКА

Я поддерживаю совместное особое мнение судей Лоизу, Морениллы и Макарчика относительно нарушения статьи 5 п. 1, 2 и 5.

Я также хотел бы указать дополнительно на некоторые моменты, которые отражают мою мотивировку по данному делу.

1

В исследовании проблем "обоснованного подозрения", как мне представляется, ключевым является вопрос о том, были ли представлены Правительством "по крайней мере некоторые факты или информация", которые могли бы убедить объективного наблюдателя, что соответствующее лицо могло совершить преступление. По моему мнению, это условие не было выполнено. Представитель Правительства предложил различать полученные от надежного конфиденциального источника "основные факты", которые не могут быть раскрыты, и "иные факты и информацию, помимо основных". По его утверждению, были представлены доказательства последнего типа, которые должны убедить объективного наблюдателя. Он назвал следующие:

(a) искренняя убежденность военнослужащей, производившей арест;

(b) инструктаж, проведенный ее начальником;

(c) обстоятельства, препятствующие раскрытию информации.

На мой взгляд все три фактора могут удовлетворить условие о добросовестном подозрении, но они не являются "по крайней мере некоторыми фактами и информацией", на которых может строиться обоснованное подозрение. Ни добросовестность производившей арест военнослужащей, ни таковая ее начальника, ни обстоятельства подозреваемого террористического преступления не попадают в эту категорию.

Во время слушаний представитель Правительства назвал также три других вида более конкретных "объективных доказательств", а именно: осуждение братьев первого заявителя, ее контакты с ними и ее поездки в Америку. Проблема этих фактов, на мой взгляд, в том, что ни один из них *per se* не может быть инкриминирован первому заявителю. Они, похоже, скорее

инкриминируют человеку его статус, в данном случае родственные отношения первого заявителя.

Поэтому, придерживаясь мотивировки решения по делу Фокса, Кэмпбелла и Хартли (решение от 30 августа 1990 г. Серия А, т. 182), я склонен заключить, что произошло нарушение статьи 5 п. 1 в отношении первого заявителя.

2

Мог ли Суд установить несколько измененные критерии "обоснованного подозрения" в контексте чрезвычайных законов, введенных в действие для борьбы с террористическими преступлениями?

В этом месте я хотел бы объяснить некоторые мои "философские предубеждения", относящиеся к этой проблеме. В меморандуме Правительства большое внимание было уделено особому характеру террористических преступлений и соответствующим чрезвычайным полномочиям, позволяющим изменить равновесие между интересами государства и отдельной личности в пользу государства. Однако существование чрезвычайного положения можно использовать для аргументации в пользу интересов обеих сторон, то есть и Правительства и арестованного. Например, в сфере действия чрезвычайного законодательства права личности могут нарушаться еще легче и в большем масштабе, чем в обычное время. Поэтому вследствие особой активности государства в осуществлении репрессивных мер против преступности они должны обеспечиваться еще более тщательной защитой. Таким образом, подозреваемые лица не должны быть лишены права на представление им по крайней мере некоторых доказательств и оснований для их ареста, чтобы они могли оспаривать выдвинутые против них утверждения. Нельзя также оставлять компетентный национальный суд без убедительных доказательств, подтверждающих необходимую обоснованность ареста.

Я также не оспариваю, что в общем организации разведывательного типа действительно получают "надежные" сведения, конфиденциальность которых должна сохраняться и которым следует доверять без дополнительных проверок.

Но всегда ли эти сведения полны и уместны? Мы можем предположить, что по крайней мере некоторые из них не имеют отношения к делу или уже общеизвестны. Информация о поездках за границу или родстве, например, может быть очень надежной и получить также гриф секретности, но она, возможно, не будет иметь отношения к делу или уже стала общеизвестной. Поэтому я не склонен слишком облегчать жизнь разведывательных служб за счет задержанных лиц и особенно за счет национальных судов.

3

Уточнив мои философские подходы можно обратиться к некоторым техническим моментам этого дела.

Поиск равновесия между интересами государства в борьбе с преступностью и защитой основных прав человека несомненно является задачей Суда в Страсбурге. В этой связи я хотел бы предложить прояснить следующие предварительные вопросы.

Прежде всего, каково соотношение между требованием статьи 5 п. 1 (c) об "обоснованном подозрении" и правом по статье 5 п. 2 на "незамедлительное сообщение причин ареста и предъявляемого обвинения"?

Идентичны ли мотивы обоснованного подозрения причинам, обосновывающим арест?

Обычным следствием применения статьи 5 п. 1 (c) является то, что национальный суд в случае необходимости, будет решать, имело ли лицо, производившее арест, обоснованное подозрение, что задерживаемый совершил преступление, тогда как цель статьи 5 п. 2 состоит в том, чтобы дать арестованному возможность оценить законность ареста и предпринять, в случае необходимости действия с целью оспорить его. Это различие может оправдать неодинаковое в плане конфиденциальности, обращение с подтверждающими доказательствами.

Следующий момент связан с тем, что Суд в деле Фокса, Кэмпбелла и Хартли говорит о "информации, которая... не может быть раскрыта подозреваемому или представлена в суде в подтверждение обвинения".

Здесь мне представляются уместными два вопроса. Во-первых, есть ли разница между раскрытием информации подозреваемому и последующим представлением ее в суде? Вероятно, нет. И во-вторых, есть ли разница между информацией, доступной суду, и информацией, представленной в суде, т. е. раскрытой и подозреваемому?

В этой связи я вижу некоторую возможность для компромисса между желанием сохранить критерий, примененный в деле Фокса, Кэмпбелла и Хартли, и необходимостью в то же время расширить и развить мотивировку, чтобы она лучше соответствовала делу Мюррей и другим подобным делам.

Можно также поставить такой "технический" вопрос: нельзя ли конфиденциальную информацию перефразировать, видоизменить или перекроить так, чтобы защитить источник, а затем раскрыть ее? По этому поводу национальный суд мог бы запросить заключение альтернативного, независимого эксперта, а не полагаться исключительно на оценки производящего арест органа.

4

Я проголосовал за то, что статья 8 не нарушена, т. к. я не вижу необходимой связи между нарушением требований статьи 5 п. 1 и вмешательством в личную и семейную жизнь г-жи Мюррей (и ее семьи). Я удовлетворен подходом Суда к статье 8 и, в частности, выводом о том, что такое вмешательство предусмотрено законом и что оспариваемые меры имели правомерную цель и были необходимы в демократическом обществе (п. 88—94 решения).

Однако в свете моих взглядов относительно нарушения различных положений статьи 5, я не могу поддержать мотивировку Суда в п. 92 решения, а именно, что г-жа Мюррей обоснованно подозревалась в связанном с терроризмом преступлении и что этот факт оправдывал необходимость вторжения в ее дом и обыска. Вывод о том, что статья 8 не была нарушена, может быть достаточно хорошо обоснован независимо от мотивировки в п. 92 решения Суда.